

plus de mon jardin imparfait». ⁷⁹ Тема утраченных иллюзий настойчиво звучит на протяжении всего тома. В посвящении Плещеевой Карамзин пишет: «Исчезли призраки моей юности...», ⁸⁰ и, хотя он по-прежнему заявляет о своей любви к человечеству и желании способствовать просвещению, в «Послании к Дмитриеву» он признается:

Но время, опыт разрушают
Воздушный замок юных лет;
Красы волшебства исчезают...
Теперь иной я вижу свет. ⁸¹

Спасения он ищет в любви истинных друзей; отворачиваясь от мира, где попирается добродетель, он жаждет «тихого крова»:

И где б, без страха и надежды,
Мы в мире жить с собой могли. ⁸²

Как бывало и раньше, Карамзин обретал утешение в литературе, но теперь это превращалось в самоцель, в намеренный отрыв от действительности:

На минуту позабудемся
В чародействе красных вымыслов! ⁸³

Эту идею он развивает в письме к Дмитриеву (1796): «Поэт имеет две жизни, два мира: если ему скучно и неприятно в существенном, он уходит в страну воображения и живет там по своему вкусу и сердцу, как благочестивый магометанин в раю с своими семью Гуриями. *Vive et scribe!*». ⁸⁴ Раньше Карамзину удавалось совмещать свой воображаемый мир с реальностью: созерцая настоящее, он обращался мыслями к идиллическому золотому веку и оптимистически смотрел на будущее в ожидании новой Утопии. Теперь же пессимизм заставил его замкнуться в своем частном мирке; он отказался и от золотого века, и от надежды на Утопию для всех. Во втором издании «Писем русского путешественника» (1797) восторженный пассаж, посвященный золотому веку, Карамзин сопроводил сноской: «Мечта воображения», — а в третьем издании заменил ее за-

⁷⁹ Аглая, ч. II, М., 1795, титульный лист.

⁸⁰ Там же, стр. 5.

⁸¹ Сочинения Карамзина, 1917, стр. 96.

⁸² Там же, стр. 98.

⁸³ Там же, стр. 114.

⁸⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 69.